

вокруг имен: русские актрисы Нееловы-Дальские

шсог. правда. — 1991. — 16 сен. — с. 3.

Три грации, рожденные для счастья

Как утверждают те, кто знал, видел этих пленительных женщин, они были красивы, словно боги. Мало того, они были похожи между собой, что нетрудно заметить и сейчас. Мало того, все три были драматическими актрисами. Но, наверное, самое важное в этих именах — Магдалина, Екатерина и Вера — то, что две первые — родные сестры легендарного русского трагика Мамонта Викторовича Дальского. А третья, Вера, — его любимая дочь. И даже облик своим — крупной лепкой лица, огромными черными глазами они схожи с несравненным Мамонтом Дальским. Но если о «русском Кине», как называли современники артиста петербургского Александринского театра, сегодня можно многое узнать из монографий, театральной критики разных времен, то его сестры и дочь остаются до сих пор в тени артистического блеска не-превзойденного Мамонта Викторовича.

И все же не актерский путь Магдалины, Екатерины и Веры, не их роли, антре-призы и труппы меня занимают. Каждая из трех этих женщин, блестяще начав свою артистическую и жизненную карьеру, закончили ее трагически.

Первой жертвой жизненных обстоятельств или несправедливости — теперь этого не докажешь — стала Магдалина. Старший Дальский безумно любил именно эту свою сестру. Он еще в детстве называл ее ласково — Даля, Даленка. Да и свой сценический псевдоним Мамонт Неелов произвел от имени обожаемой им сестры. Позже и сама Даля, и Катя «на татре» тоже стали Дальскими.

Так что случилось с Магдалиной? Как и сестра, а затем и их племянница, она работала и жила в конце XIX — начале XX века в Москве. Известно, что сам Мамонт Викторович не отличался ровным характером. Вспышки гнева, срывы настроения до меланхолии отличали характер премьера. Магдалина и в этом походила на брата. Эксцентричная, любившая всевозможные эпатажи, она, вспоминают, любила, например, прокатиться по Тверской с ручным медвежонком, пугая обывателей. На Самотеке и сейчас стоит прекрасный особняк, «брошенный» к ногам роскошной женщины одним из ее поклонников — купцом Стакеевым. Жила ли она в нем, сдавала ли — этого внука Екатерины Викторовны, Нина Петровна Панфилова, уже не помнит. Бывшая замужем за держателем частной московской оперы Зиминым, Магдалина вскоре с ним рассталась, открыв свой антракмент. Но не в ее характере, видно, была организаторская

М. Дальская.

В. Дальская.

Е. Дальская.

деятельность. Вскоре труппа стала прогорать. Спasti могли только деньги. Ей их предложил тот же купец Стакеев, но... при суром условии: расстаться с молодым человеком по фамилии Бартенев, безумно в нее влюбленным, верно, находившим взаимность актрисы. Дело дальнее. Как все было в действительности, теперь не скажет никто, ибо полиция застала уже умиравшего любовника, залитого кровью, на руках актрисы. В приговор суда, гласивший, что Магдалина Дальская — убийца. Мамонт Викторович не поверил. В версию актрисы о самоубийстве Бартенева при ее требовании расстаться с ней не поверил суд. Ей осталось в удел — умереть от скоротечной чахотки в тюрьме. Все попытки знаменитого брата вызволить ее оттуда были бесполезны.

Говорят, Дальский переживал смерть любимой им сестры до конца дней своих. До того рокового момента, когда в переполненном трамвае, спасая женщину, оттесненную, как всегда, безумной московской толпой к открытому выходу, сам не сорвался под колеса. Надо сказать, что в трамвае Мамонт Дальский ехал впервые. Он не знал эти грохочущие казармы, складывавшиеся поначалу вполне счастливо.

Вероятно, суд над Магдалиной, да и вся история с убийством или самоубийством Бартенева широко была оглашена газетами. Во всяком случае, внучка Мамонта Викторовича, дочь Веры Мамонтовны, Ирина Александровна Барановская, до недавних пор хранила тот номер журнала «Рампа», издававшийся в Москве до революции, который открывался огромными фотопортретами участников этой жестокой драмы. Расстрелян во время гражданской двух сыновей Магдалины Викторовны, офицеров — белогвардейцев, поставил последнюю роковую точку в истории любимой сестры Мамонта Дальского.

А Нина Петровна Панфилова, внучка Екатерины Дальской, передала мне слышанный от ее матери рассказ о том, что жена разорившегося, обедневшего уже к концу века помещика Виктора Неелова, отца актеров, по происхождению серба, буквально захлопнула двери родительского дома перед тремя своими сыновьями и двумя дочерьми, решившими связать свою жизнь со сценой. Актерство на Руси всегда считалось не достойным дворянского сословия. В родном доме осталась лишь одна сестра Софья. Именно она пережила своих известных родственников, умерев уже в наше время. Нина Петровна хорошо помнит ее, но говорит о ней без энтузиазма. Благополучие, выгодный брак с французским инженером-путейцем, богатое наследство мужа во Франции — так бесхлопотно сложилась ее жизнь, не прибавив ей ничего, чего лишила природа, — ни женского обаяния, ни таланта, ни доброты, ни прости житейской мудрости.

Так уж случилось, но именно о своей бабушке — актрисе Екатерине Дальской ее внучка помнит меньше всего, хотя хранит ее письма, фотографии. Ее жизнь тоже, как у других Нееловых-актеров, складывалась поначалу вполне счастливо.

Однако, как ни благополучен был брак Екатерины Дальской с М. Левенштейном, врачом-психиатром, судьба русских актрис — подвижниц, хорошо знакомая нам по чеховской Нине Заречной, актрисе Елене Кручиной из пьесы А. Островского «Без вины виноватые», стала уделом и этой московской красавицы. Бесконечные гастроли, перемена трупп, роли, роли — все это не вписывалось в размежеванный образ жизни семьи врача. Они расстались, и маленькая дочь, Лялечка, осталась с отцом. Но мать ее любит, помнит, пишет письма, высыпает книги и всегда ждет весточек от дочки. В 1917-м, накануне известных

шую дочь Шаляпина с дочкой Верой Мамонтовны. Вера многое унаследовала в характере от своего великого отца — любовь к острому словцу и ironичность, нежелание скрывать то, что не нравится, и скепсис, часто посещавший ее, умную, тонкую женщину, в созерцании «буден великих строек». Ирина Александровна Барановская, дочь, вспоминает, как шла однажды с матерью по улице, где-то в центре. Их взгляд привлекли огромные портреты ударников труда. Вера Мамонтовна заметила: «Зачем меня пугают этими плохо нарисованными лицами? Я-то что, не работаю? Раньше публично выставляли только тех, кого надо опасаться...».

Эта нелюбовь к навязываемым стереотипам новой жизни, да и непорядочность некоторых из тех, кто ее окружал, привели к трагедии. В 1944 году, когда дочь Веры лежала в госпитале с дистрофией после фронта, ее мать была арестована. Ее выслали на вольное поселение в Сибирь, в село Дзержинское на три года.

Дочь и муж помогали, как могли, слали деньги, посылки, но чаще всего они не доходили. Если бы рядом с Екатериной и Магдалиной оказалась в их последний час такая же добрая душа, как автор письма о смерти Веры, не были бы для нас неизвестными и их последние дни. А там, в Сибири, в горе, в голоде, в холода жила рядом с дочерью Дальского простая русская женщина, до мелочей описавшая трагическую гибель Веры Мамонтовны, даже не сообщив своей фамилии.

Только подпись, разобрать которую трудно. «Она умерла в больнице от крайнего истощения, пеллагры. Жить ей было нечего. Деньги не приходили, и хозяева, у которых она снимала угол, выгнали ее. Стоял декабрь. Худая, обобшивавшая, она на коленях умоляла разрешить ей погреться на почте, а к вечеру ее снова выталкивали на улицу. Наконец, силы оставили Веру. Подобрали ее без сознания, почти окоченевшую...». По словам автора письма, Вера Мамонтовну ссыльные очень уважали, любили, жалели. И, наверное, не только за то, что была она дочерью гениального русского актера, в крови которого текла кровь и Абрама Ганнибала.

Три грации. Три красавицы. Три таланта. Скажешь ли, глядя на эти фотографии, что им был уготован столь тяжкий жребий?

Говорят: актер это не профессия, это судьба. Но нет, верно, трудней судьбы, чем у русских артистов.

Т. ГЛИНКА.